

перевод Елены Музыкантовой

ЛИНДА
ГРИН

ТОТ МОМЕНТ

роман

МИО

МИФ Проза

Линда Грин

Тот момент

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 82-311.1
ББК 84(4Вел)6-443

Грин Л.

Тот момент / Л. Грин — «Манн, Иванов и Фербер»,
2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195160-5

Казалось бы, все случайные встречи вполне могут стать началом истории, даже если не нашей... 10-летний Финн и 59-летняя Каз вот-вот впервые встретятся. Финн – умный и чувствительный мальчик, он хорошо учится, любит возиться с растениями, играет на укулеле, а еще он рыжий – в общем, у него нет ни единого шанса, чтобы его не дразнили одноклассники. Его настолько затравили, что он отказывается идти на выпускной экзамен средней школы. Это становится поводом для конфликта между родителями. Мама готова принять его решение, чтобы не травмировать, отец же отстаивает вариант с экзаменом, грозя матери разводом и лишением родительских прав. Каз – женщина, которая всю жизнь посвятила уходу за братом с психическими отклонениями. От них отказались родители и система тоже (брата не признают инвалидом, ему порой приходится выходить на работу, и это всем идет во вред, он искренне страдает и переживает, что может кому-то навредить). Финн и Каз не должны были встретиться. Но у судьбы другие планы. Когда Финн и его мама входят в кафе, где работает Каз, запускается цепочка событий. Они еще этого не знают, но вторая встреча навсегда изменит их жизни. Для кого эта книга Для читателей драм, психологических и сентиментальных романов с философским подтекстом. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.1
ББК 84(4Вел)6-443

ISBN 978-5-00-195160-5

© Грин Л., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

До. 1. Финн	9
До. 2. Каз	15
После. 1. Финн	19
После. 2. Каз	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Линда Грин Тот момент

**Linda Green
One moment**

Все права защищены.

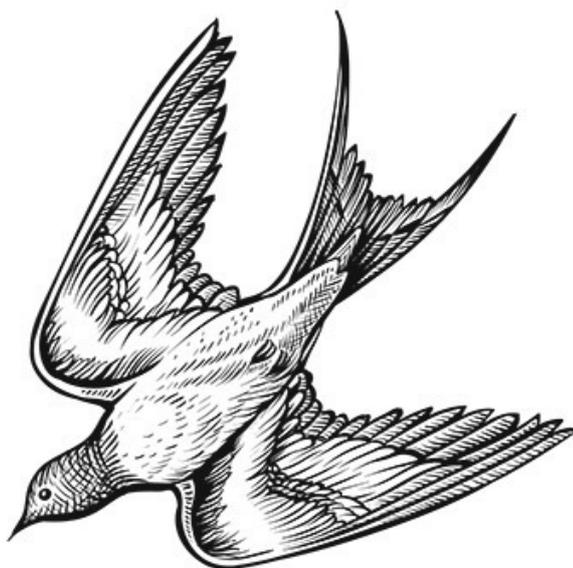
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Linda Green, 2019

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency
LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

*Рохану.
И всем мальчикам, которые не боятся быть другими*

До. 1. Финн

Меня зовут Финн – как Гекльберри, – и со мной все в порядке. Точно это знаю, потому что отец изо всех сил старался отыскать во мне хоть какой-то изъян, но я выдержал все проверки. Оказалось, что я просто странный, но для оценки странности тестов нет, а если и есть, отец о них не в курсе.

Фамилия моя Рук-Картер, и это тоже странно, потому что она двойная (аккуратный способ обозначить, что две разные зачех-то слепили вместе). Мама говорила, они с отцом так поступили, чтобы в моем имени была частичка и от нее, и от папы. Только теперь, когда родители разводятся и бьются, с кем же я останусь, понятия не имею, что станет с моей фамилией. Может, с понедельника по среду я буду Финн Рук, в четверг и пятницу – Финн Картер, а на выходных, когда меня делят между одним и другой, – Финн Рук-Картер.

Насчет боев за меня – нет, родители не сражаются буквально, как персонажи в «Звездных войнах», просто много ругаются и держат адвокатов, которые постоянно сочиняют друг другу послания, чтобы лишний раз позлить. В четвертом классе Джейден Мак-Гриви повадился слать мне обидные записки, так мама даже на него адвоката натравила. В итоге Джейдену пришлось сочинить еще одну записку, уже с извинениями, хотя точно знаю, ни в чем он не раскаивался.

Мама с папой рассказывают, что адвокаты обходятся им в кучу денег, и это весьма глупо, как по мне. Если нужно просто кого-то позлить, да наймите того же Джейдена, он за пачку мармеладок справится.

Лично я мармеладки не ем, потому что мы с мамой вегетарианцы. Ребятам в школе не понять, в чем проблема, ведь в сладостях не видно кусочков мертвых свиней или коров, из которых делают желатин, так что это просто еще один повод считать меня чудиком.

Я даже список составил, что во мне, на их взгляд, странного. На самом деле перечень куда длиннее, но раз уж повелось составлять топ-10 по каждому поводу и без, вот вам десять основных причин.

1. Не люблю футбол и не могу назвать по имени ни одного игрока.
2. Не ем мармелад.
3. У меня выющиеся рыжие волосы, а не прямые короткие каштановые, как у нормальных людей.
4. У меня нет мобильного телефона.
5. Не играю в видеоигры.
6. В жизни не ходил в «Макдоналдс».
7. Люблю садоводство и восхищаюсь Аланом Титчмаршем.
8. Играю на укулеле.
9. Не люблю футбол (это настолько странно, что стоит упомянуть дважды).
10. У меня «пчелиный» рюкзак.

Что касается последнего пункта: это не значит, будто я ношу желто-черный рюкзак в виде пчелы. Таких я сменил целую кучу – мама каждый год покупала мне новый, но на десятый день рождения вручила серый с принтом из пчел. Заявила, что такой – более взрослый. Папа только глаза закатил, правда не в открытую (тогда они еще изображали дружную семью, особенно передо мной и особенно на дни рождения). На следующей неделе я пошел в школу, и дети опять подняли меня на смех, так что, пожалуй, отец был прав.

Неважно. Как по мне, если уж решил быть странным – будь им до конца, а не думай, якобы что-то нормальное в тебе все же осталось. Люди все равно найдут, что в тебе высмеять.

А когда по осени настанет время идти в среднюю школу, будет куда хуже. Родители и об этом много спорили. Отец заявил, что мне нельзя идти туда же, куда пойдут нынешние одноклассники: уж там меня просто «живьем сожрут». Он сказал это не при мне, просто я в очередной раз услышал их с мамой разговор.

Родители думали, что я сижу в спальне и занимаюсь на укулеле. Так и было, только мне приспичило в туалет, а они ссорились на кухне. Если уж хотите тайком поцапаться, не делайте этого на кухне – у нее ведь нет двери, и ума не приложу, как взрослые этого не замечают. Когда папа сказал про «сожрут живьем», у мамы как-то странно изменился голос. Поначалу я решил, что ее задела формулировка (все-таки как вегетарианка она вряд ли одобряла поедание кого-либо заживо). Но затем мама заметила: иногда кажется, что отец меня стыдится. Папа заявил, что нет, просто реально оценивает мои шансы вписаться в коллектив. «Вот почему я хотела бы перевести его на домашнее обучение», – ответила мама, а папа фыркнул и сказал, что мне нужна нормальная школа, а не уроки кулинарии за кухонным столом. Мама начала плакать, больше я ничего не разобрал, поэтому вернулся к себе и принялся играть на укулеле «Ты мое солнце».

Пару недель спустя в субботу утром меня свозили в другую, старомодную школу рядом с Илкли, где я сыграл на укулеле и пианино. Вскоре после этого мама с папой усадили меня и объяснили, что именно в это заведение я пойду в сентябре. Вернее, объяснял папа, а мама только старательно улыбалась и кивала, из чего я понял, что затея принадлежала именно ему. Мне наказали никому не говорить, куда иду, потому что не каждый может позволить себе такое заведение и не все поймут, в чем суть музыкального образования.

Я все же сказал Лотти, своей лучшей подруге – собственно, моей единственной подруге, – она погуглила и заявила: на самом деле родители развели такую таинственность, потому что школа частная, для богатеньких сынков влиятельных родителей. Лотти в таких вещах разбирается, ведь ее мама – лейбористка¹ и однажды сидела рядом с Джереми Корбином² на полевой кухне для бездомных (в смысле, мама Лотти готовила суп, а Корбин просто посещал мероприятие). Я еще подумал: как-то неправильно с его стороны есть то, что вообще-то приготовили бездомным, но подруге высказывать свои сомнения не стал).

– Финн, не хочешь помочь мне готовить кексы? – зовет снизу мама.

Она верит, что кулинария – отличное совместное развлечение после школы. Честно говоря, после школы почти что угодно сойдет за отличное развлечение, и если иного способа отложить выполнение домашнего задания нет, то и такой сгодится.

Когда я спустился, она уже разложила ингредиенты на столе. Мы, как обычно, готовили кексы с абрикосами, апельсинами и отрубями. Еще одна моя странность. Если в школе устраивают благотворительные распродажи, наша выпечка разительно отличается от того, что приносят прочие дети. Рыже-коричневая, а не шоколадная, никакой глазури или посыпок. Наверное, поэтому никто никогда ее не берет. Иногда что-то покупает учительница – вероятно, из жалости, а иногда нам даже приходится увозить все обратно, чтобы не выкидывать.

– Ну что, снова будешь медовым монстром? – с улыбкой спрашивает мама, накидывая мне через голову фартук.

Временами она разговаривает со мной так, будто мне до сих пор девять. И пожалуй, сама этого не замечает.

– Ага, – с улыбкой отзываюсь я, и она вручает мне банку с медом.

Мы столько раз готовили эти кексы, что безо всякого рецепта помним порядок. Я отмечаю все ингредиенты, иначе мама набросает их на глаз, а мне это не нравится.

---

¹ Лейбористы – члены Рабочей партии, одной из двух ведущих в Великобритании и наиболее влиятельной партии Социал-терна. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

² Британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 по 2020 год.

– Ну что, как сегодня в школе? – спрашивает мама, пока я сыплю муку в чашу.

– Нормально. – Как показал опыт, это лучший ответ. Если скажу, что отлично, она поймет, что я лгу. А так вроде я и не в восторге от учебы, зато меня не побили.

– Что вы сейчас читаете? – интересуется она, заправляя за ухо длинный рыжий локон.

– Ничего. Просто готовимся к экзамену по английскому.

– Как, все время?

– Да. Ну, кроме тех уроков, когда готовимся к экзамену по математике.

Мама качает головой и как-то странно поджимает губы. Она экзамены не одобряет. И даже сказала в начале года, что сдавать их необязательно, но я-то понимаю, что тогда снова останусь белой вороной, а я и так устал везде и во всем отличиться. Поэтому экзамены все же сдам.

Мама разрешает мне разбить яйца в чашку, что я и делаю, сопровождая каждое куриным квохтанием. Это всегда ее веселит, чего я, собственно, и добиваюсь. Она тоже начинает квохтать, размахивать руками на манер крыльев и пританцовывать по кухне. Мне так нравится, когда мама дурачится. Последнее время она делает это куда реже, чем прежде. Я тоже присоединяюсь к «цыплячьему танцу». Мы так смеемся, что не слышим, как папа открывает дверь. И вообще замечаем его, только когда он встает на пороге кухни, приподняв бровь и с полуулыбкой на лице.

– Привет, а что вы тут делаете? – интересуется отец, взъерошив мои волосы (все вечно норовят их взъерошить. Видимо, кучерявые волосы обладают какой-то особой притягательностью).

Папа смотрит на меня. Он всегда теперь смотрит строго на меня, даже если отчасти обращается и к маме тоже.

– Исполняем танец чокнутых куриц, – докладываю я.

– А что, есть какой-то особый повод?

– Да просто весело, – объясняю я.

Мы с мамой опять пускаемся в пляс. Папа выглядит немного сбитым с толку. Он никогда не пек вместе с нами, но всегда исправно поглощал наши кулинарные творения, брал мои кексы и печенья на работу, фотографировал, перед тем как съесть, а потом показывал мне снимки, приходя домой. Только вот не помню, когда в последний раз это было.

– Ясно. А домашнюю работу ты уже выполнил или сделаешь позже?

Мама прекращает танцевать и гневно смотрит на отца. Словно кто-то проткнул большой иглой наш пузырь счастья, и тот лопнул.

– Мы веселимся, Мартин. Если это по-прежнему дозволяется.

– Конечно.

– Именно. Так не порть все, пожалуйста, напоминая о домашней работе в ту же секунду, как переступил порог. Тебе словно не нравится, что Финн веселится без тебя.

И вот опять они говорят обо мне так, будто я не стою в той же самой комнате. Не знаю, правда ли я в такие минуты становлюсь для них невидимкой, или они верят, что во время родительских ссор я каким-то образом глохну.

– Ты же знаешь, что это не так.

– Так к чему упоминать домашнюю работу? Его и так грузят в школе этими дурацкими контрольными.

Я вытираю руки о фартук, хотя те не особо запачкались. Прочищаю горло, напоминая о своем присутствии. Взрослые смотрят на меня, и оба опускают глаза.

– Ладно, тогда не буду вам мешать, – заявляет отец, нацепив фальшивую улыбку. На миг кажется, что он сейчас опять взъерошит мне волосы, поэтому я отступаю в сторону и беру деревянную ложку. Не проронив больше ни слова, папа выходит.

– Даже не спросил, может ли потом взять кекс, – замечаю я.

– Нет, – отвечает мама. – Не спросил.

Мы возвращаемся к готовке, но никто уже больше не пляшет и не смеется. Когда мама ставит кексы в духовку, я еще смотрю на них и думаю, не опадут ли они теперь, после всей этой ругани, будут ли такими же вкусными, как обычно? Однако позже выпечка остывает, мама приносит одну штучку мне в комнату на тарелке, и выясняется, что вкус никак не пострадал. Мне становится чуть лучше.

Той ночью я лежу в кровати и слушаю, как родители ругаются внизу.

Не могу разобрать слов, лишь резкие интонации. Вообще-то папа с мамой не всегда так говорили. Помню, были веселые нотки и звонкий смех. Только не знаю, куда они подевались.

Иногда я брожу по дому, будто ищу эту радость, – вдруг родители засунули ее нечаянно куда-то в шкаф, да и позабыли. Вот бы вернуть им смех и веселье, чтобы больше не приходилось слушать резкие слова.

Раньше такого не было. Мы вместе гуляли, папа выдавал шутки, мама ворчала, но в то же время смеялась, мы останавливались полюбоваться на цветы, а я собирал листья и всякую всячину. Дома мама помогала мне сделать коллаж, папа его хвалил, все улыбались, и не было никакой резкости. Не помню, в какой момент наша жизнь изменилась и стала все больше превращаться в нынешнюю. Теперь она мне совсем не нравится.

Я поворачиваюсь на кровати и зарываюсь лицом в подушку.

Резкие голоса стихают, зато повисает гнетущее молчание. Иногда оно даже хуже ругани, ведь ты все равно слышишь невысказанные слова. Мне больше всего на свете хочется, чтобы прекратились ссоры и такие вот паузы и все стало как прежде. Чтобы смех мамы колокольчиком звенел по дому, чтобы она снова напевала, ходя по комнатам. Я даже помню, как протискивался между родителями в кровать по утрам, они щекотали меня, а я хихикал.

Ужасно боюсь щекотки – прямо как папа. Мы с мамой вечно норовили его зашекотать. Я мечтаю, чтобы мы опять стали той счастливой семьей, но не представляю, как это устроить. Ну то есть я знаю, как приготовить кексы из абрикосов, апельсинов и отрубей, как играть на укулеле и прочую ерунду, а вот самое главное, самое нужное – нет.

Подхожу к школе. Никто не бежит со мной поздороваться, но, с другой стороны, никто не обзывает фриком и не пытается ударить, так что, пожалуй, день начинается неплохо. Мама маячит у ворот и как-то странно на меня смотрит – примерно так же, как на нашего кота Аттикуса, когда оставляет его в питомнике перед отъездом на каникулы. Не понимаю, в чем суть; не то чтобы она вернется, а я выйду к ней навстречу, исхудав и мяукая от голода, потому что всю неделю ничего не ел. Мы вообще, по сути, расстаемся всего на десять минут, ведь мама идет на праздничное собрание. Нам их устраивают каждую пятницу, по утрам, приглашают родителей. Обычно приходит мама – она самозанятая, а люди так рано на прием не записываются. Мама – гомеопат и ароматерапевт, иными словами, лечит людей, не назначая им таблетки и не посылая их в больницу. Мне об этом говорить нельзя, потому что не все люди верят в гомеопатию. Это примерно как с Богом. Мы в него не верим, но на собраниях мне иногда приходится его воспевать. А вот гомеопатов мы не воспеваем, и как-то это не очень честно получается.

Маме не слишком нравятся некоторые детали собраний, например как Оливии Вортингтон подарили сертификат на погружение с аквалангом на Мальдивах на пасхальных каникулах. Или как в начале праздника всякий раз включают «Ты просто лучший» Тины Тернер. Мама полагает, что нехорошо просто считать себя лучше всех прочих (она даже отправила миссис Рэтклифф письмо с предложением заменить песню на «Что ты сделала сегодня, чтобы гордиться собой»³ Хизер Смолл, но ответа так и не получила).

---

³ Proud (англ.). Прим. ред.

Так или иначе, это собрание мама не пропустила бы ни за что на свете, ведь мне предстоит сыграть на укулеле. На прошлой неделе я с отличием окончил третью четверть. Мама побеседовала с моей учительницей, миссис Керриган, и та предложила мне сыграть на собрании, «чтобы послужить вдохновляющим примером другим детям». Подозреваю, миссис Керриган никогда не ходила в школу вроде нашей, иначе понимала бы, что ни один ребенок ни на грамм не вдохновится моей игрой. Однако расстраивать учительницу своими размышлениями я постеснялся, поэтому покорно иду на собрание с гавайской гитарой на плече и попутно борюсь с легкой тошнотой.

Хотелось бы с кем-то поделиться переживаниями, но Лотти вечно прибегает за секунду до звонка, а то и на несколько секунд позже. Она живет без папы, а мама Лотти, Рэйчел, одновременно работает патронажной сестрой, членом Совета Колдердейла и волонтером в столовой для бездомных. По словам подруги, именно поэтому она вечно опаздывает и питается всякой ерундой. Саму Лотти это не слишком беспокоит, а вот меня – да. Мне опаздывать не нравится. А еще я люблю, как мама готовит. Надеюсь, она не станет такой после развода. Оборачиваюсь на нее. Мама так и стоит у ворот. Вечно складывается такое впечатление, будто она не вписывается в беседы других родительниц. И вообще не выглядит, как прочие мамы. И дело не только в рыжих волосах – во всем, вплоть до неправильной обуви (мама не носит туфли, предпочитает круглый год ходить в ботинках, даже летом). Я часто гадаю, не потому ли я не похож на остальных мальчиков, что моя мама не похожа на остальных мам, но, может, дело вовсе не в этом. А даже если и так, я на нее не сержусь. Скорее всего, мама не больше способна изменить себя, чем я сам. Смотрю, как она вслед за остальными взрослыми идет в школу. На ней ее любимый зеленый кардиган. Он такой мягкий, и в него так уютно кутаться.

Мисс Дай звонит в звонок, и мы выстраиваемся по классам. Я стараюсь встать последним – так донимать меня сможет всего один человек, а не два, – но сегодня трюк не удастся. Райан Дэнжерфилд опаздывает, поэтому ему приходится идти за мной.

– Рыжий, рыжий... – произносит он мне на левое ухо так, чтобы другие ребята услышали, а учительница нет.

Льюис Р. (все зовут его именно так, потому что в классе есть еще Льюис Б.) смеется и шутливо грозит:

– Не тронь зеленого мальчика, а то дурную болезнь подхватишь.

Все заливаются пуще прежнего. Миссис Керриган тоже улыбается, думает, мы тут веселимся. Наверное, во времена ее детства школы были другими – и ученики тоже, иначе с чего она все время верит, будто мы мило общаемся, когда все обстоит как раз наоборот.

Лотти бегом занимает свое место в конце цепочки девочек, и мы гуськом отправляемся в класс. Моя подруга тоже не похожа на остальных учениц: у нее короткие волосы, а у всех прочих – длинные, а девочкам вроде как полагается носить именно длинные. Лотти говорит, у нее прическа пикси, но раз уж я пикси вживую не видел, приходится верить на слово.

Так странно. Все утверждают, что я выгляжу как девчонка, а Лотти – как мальчишка. Может, нам стоило бы поменяться головами? Думаю, поэтому мы и дружим, у обоих какие-то неправильные волосы. Вернее, это у нее волосы неправильные, у меня же неправильное все. Я узнал, что носу неправильные штаны, только когда мы однажды переодевались после физкультуры, и Ибрагим по ошибке взял мои. Он принялся показывать другим ребятам лейбл, и все стали смеяться: не тот магазин. А какой же «тот» – не сказали, поэтому маме я ничего говорить не стал. В любом случае она не купила бы что-то в «правильном» магазине, если те жульничают с налогами или используют детский труд. Оказалось, даже приобретение штанов – штука коварная.

Сажусь рядом с Лотти.

– Привет, Финн, – здоровается она, – подпишешь мою петицию?

Лотти постоянно сочиняет какие-то петиции. Она даже на марши ходит вместе со своей мамой. Собирается в будущем стать профессиональным протестующим, но я не уверен, есть ли на самом деле такая работа.

Подписываю бумажку не глядя. Когда у тебя только один настоящий друг, чего вдаваться в подробности? Все равно же подпишешь. Лотти рассказывает, как важно хорошо относиться к барсукам, и я улыбаюсь ей в ответ. Я сейчас с кем угодно дружить готов – даже с барсуками.

Заходим в холл на собрание. Мама сидит на скамье сзади и шлет мне едва заметную улыбку, отчего я нервничаю даже еще больше, чем прежде.

Мама думает, что вот сейчас будет гордиться мной.

Ага, если бы.

Сажу там с укулеле на коленях и вполуха слушаю миссис Рэтклифф, пока она не называет мое имя. Поднимаю голову. Учительница улыбается мне и держит мой аттестат. Встаю, пробираюсь через ноги ребят в моем ряду, выхожу вперед. Миссис Рэтклифф пожимает мне руку и вручает аттестат об окончании третьего класса. Люди хлопают, но громче всех хлопает мама. Расстегиваю футляр, а миссис Рэтклифф объявляет, что сейчас я сыграю им на укулеле. Инструмент желтый, с большим смайликом на корпусе. Мама подарила мне гитару, когда я разучивал «Ты мое солнце». Кое-кто из ребят начинает хихикать. Миссис Рэтклифф просит меня сыграть то произведение, с которым я сдавал экзамен в этом году. А заодно его объявить. На миг замираю, отчаянно надеюсь, что сейчас сработает пожарная сигнализация и спасет меня от беды, но, увы, стоит полная тишина. Миссис Рэтклифф улыбается и ждет. Все на меня смотрят.

– «Милашка Фэнни» Джорджа Формби, – мямлю я и слышу ответный смех одноклассников. Он нарастает и нарастает, точно приливная волна, и обрушивается на меня со всей силой.

Чувствую, как к горлу подступают слезы, но не желаю позориться еще больше и делаю то единственное, что приходит на ум.

Начинаю играть на укулеле. Хотя прямо в ту секунду всей душой ненавижу Джорджа Формби.

До. 2. Каз

Сажу в автобусе рядом с пыхтящим мотором. Сейчас только начало мая, но уже тепло, как в июле. Все в майках, с голыми ногами, а я умудряюсь вляпаться в единственного человека с насморком на весь наш город.

Сама виновата, надо было идти пешком, но по пятницам я всегда себя так балую – еду домой на автобусе. Не потому, что начало выходных – завтра мне в семь снова на работу. Просто иногда приятно сделать вид, будто и у тебя есть конец рабочей недели, как у всех нормальных людей.

Роюсь в сумке – не найдется ли салфетка для сопливого соседа, – но внутри лишь кусок туалетной бумаги. Судя по виду, давно там лежит. Сосед снова шмыгает. Звук такой, будто вредный ребенок нарочно втягивает остатки молочного коктейля через трубочку.

– Можешь высморкаться в рукав, не стесняйся, – предлагаю я.

Он смотрит на меня, ничего не говорит и снова пялится в окно.

– Ну как хочешь, – вздыхаю я, радуясь, что ехать осталось всего три остановки.

Я бы скинула с ног кроксы, но, боюсь, из-за жары они к полу прилипнут. Кроксы не настоящие, подделка с рынка. Ярко-желтые, чтобы повеселее было, как я говорю Бриджит, когда она косится на них на работе. Хозяйка заявила, что весь персонал кафе обязан носить нормальные кроксы. Я же ответила, что если она мне их купит, то ради бога. И вот все с ней так. Гордо именует себя предпринимательницей просто потому, что держит одно-единственное захудалое кафе. Может, зовется оно «Чайники и пирожные», но на деле тянет на паршивую грязную ложку с претензиями.

Сигналю водителю, что выхожу, и сосед от души хлопает носом. Достāju туалетную бумагу и кладу ему на колено.

– Пожалей следующего беднягу, которому не повезет с тобой сидеть, и высморкайся уже.

Мужик меня игнорирует. Автобус тормозит, и двери с шипением раскрываются.

– Спасибо, милый! – кричу водителю.

Мои кроксы поскрипывают по асфальту. Некоторые ребята еще только идут из школы. В их возрасте я тоже старалась погулять подольше, только бы не возвращаться сразу домой. А когда в школу пошел наш Терри, у меня появился отличный повод водить его в парк по дороге обратно. Мы часами убивали там время, я качала брата на качелях. Он всегда их обожал. А вот чертову карусель ненавидел, особенно если подсакивал другой ребенок и норовил его раскрутить.

Сворачиваю за угол и практически тут же оказываюсь на месте. Дом небольшой, всего три этажа, мы на первом, поэтому даже не очень чувствуется, что мы живем в квартире. Разве что когда Джо этажом выше врубает музыку или дети по соседству разгуляются.

Я по-особому стучу в дверь, чтобы Терри знал, что это свои, и лишь затем вставляю ключ в замок. Брат давненько не утверждал, что МИ5 может к нам вломиться, но вряд ли перестал тревожиться.

– Привет, это я, – окликаю я и ставлю сумку на пол. В гостиной бормочет телевизор, значит, Терри как минимум вылез из кровати. Вхожу. Брат лежит на диване, свесив с другого конца свои до смешного длинные ноги.

– Привет, – отзывается он, даже не повернув головы. Терри смотрит сериал о талантах «Звезды в их глазах». – Смотри, Фредди Меркьюри.

Киваю и улыбаюсь. На экране тучный мужик за сорок скачет по сцене в белой куртке, излишне тесных штанах и с приклеенными усами.

– Вряд ли, – отвечаю я. – Ни с виду, ни по голосу не похоже.

Терри не отвечает, просто смотрит дальше. Разумеется, он уже видел сериал. Столько раз, что мне и не упомнить. Брат записал почти все серии «эпохи Мэттью Келли», а вот с другими ведущими ничего смотреть уже не стал, ни с Давиной Мак-Кол, ни с кем-то еще. Твердит, что им с Мэттью не сравниться.

– Есть хочешь? – спрашиваю я.

Брат, все так же не отрывая взгляда от экрана, кивает. Я иду на кухню. Судя по перевернутой кружке и миске в сушке для посуды, Терри хотя бы позавтракал.

А затем еще до обеда принялся смотреть сериал, поэтому больше ничего не ел.

Ставлю чайник и кладу пару кусков хлеба в тостер. На душе тревожно: вот как бы Терри выживал без меня? Пятьдесят один год, а он, по сути, все тот же мой младший братишка. Нет, я не жалею, что вы. Но поневоле задумаетесь – каково приходится всем тем Терри, у которых не осталось родственников?

Открываю банку фасоли, половину разогреваю на сковороде, остаток убираю в холодильник. Смазываю тосты маслом и кладу на них фасоль. Не самая роскошная еда в мире, но Терри нравится.

– Держи, – говорю я, занося нехитрую снесь в гостиную.

Терри протягивает руку за кружкой.

– Оторви зад от дивана и сядь нормально, – велю я. – Я поесть принесла.

Терри наконец поднимает голову и расплывается в улыбке. Обычно у него болезненный вид, но мощности его улыбки хватило бы, чтобы снабдить энергией целый город.

– Спасибо, сестренка, – благодарит он, садится и берет у меня тарелку. – Ты просто звезда и святая.

Ставлю его чашку с чаем на пол и плюхаюсь рядом с братом на диван. Лишь тогда я замечаю засунутый между подушками конверт.

– Что это?

– Пришло сегодня утром.

– Ты открывал?

Брат качает головой. Мадонна на экране заводит Into the Groove.

– Хочешь, я открою?

Терри пожимает плечами. Мы оба знаем, что за письмо пришло, давно его ждали. Но теперь, похоже, никто не горит желанием ознакомиться с содержимым.

Беру конверт. А эта Мадонна хороша. Фредди Меркьюри до нее как до Эвереста. Разрываю конверт и достаю письмо.

«Оценка Ваших прав на получение пособия по временной безработице», – гласит оно, а потом идет долгое объяснение, что же это такое, будто мы тупые и внезапно забыли. Наконец, внизу страницы, раздел «Наше решение».

«Оценка Ваших трудовых возможностей показывает, что, хотя у Вас есть определенные ограничения (заболевание или инвалидность), теперь Вы способны выполнять некоторые виды работы. Мы понимаем, что это может быть не та деятельность, которой Вы занимались раньше. Мы можем помочь Вам подобрать работу с учетом Вашего состояния (заболевания или инвалидности)».

Вздыхаю и качаю головой. Так боялась, что это произойдет, но до конца не верила.

Мадонна заканчивает выступление под бурные овации публики.

– Что там? – поворачивается ко мне Терри.

– Говорят, что ты можешь работать.

– Чушь собачья.

– Да, знаю.

– Он ведь даже не слушал. Тот мужик, что задавал мне кучу вопросов. Я рассказал, что случилось все те разы, когда я пытался работать, но он, блин, даже не слушал!

Мне нечего ответить. Брат прав. Проверяющие ни на миг не обратили внимания на слова Терри. В их глазах он лентяй и мошенник – значит, надо отобрать у него льготы. И плевать, что станет с человеком. А чего переживать? Не им же потом разгребать последствия, а мне.

– Пойду позвоню им, – говорю я. – Скажу, что это ошибка. По радио слыхала о таких случаях, когда оценки одного кандидата приписывали другому. Может, и у нас так.

Терри кивает. Вряд ли он лелеет хоть каплю надежды, но попытаться стоит. Я должна сделать все, что в моих силах. Ведь точно знаю, где окажется брат, если его вытащат на работу. А больше в психушку я ему попасть не дам.

С письмом в руках ухожу на кухню и закрываю за собой дверь, чтобы не слышать фоном чертову Тину Тернер.

Набираю цифры, указанные сверху листка. Это не прямой номер центра занятости в Галифаксе – похоже, там нет людей, способных взять трубку. Очередная горячая линия, когда ты понятия не имеешь, где сидит твой собеседник, а он, скорее всего, в жизни не бывал в твоём городке. Мне отвечает до тошноты вежливый голос автомата, сообщающий, что дальше есть несколько вариантов.

И коли уж среди них нет «хочу свернуть шею тупому проверяющему», жму «другое». Автомат интересуется, почему же я звоню.

– Вы ошиблись в оценке моего братца, и мне нужно с кем-то это обсудить.

– Простите, запрос не распознан, пожалуйста, выберите один из следующих вариантов, – щебечет автомат.

И опять ничего полезного. Жму наугад, и меня снова спрашивают о цели звонка.

– Ревень и крем, – отвечаю я. Похоже, срабатывает, потому что меня переводят на следующий этап, где я вновь проделываю этот трюк. Повторяю «ревень и крем» снова и снова, стараясь не думать, сколько денег сжирает звонок, и наконец слышу не записанный, а живой женский голос, впрочем, разницы особо не чувствуется. К тому времени я уже напеваю заставку к одноименному мультику, но, похоже, девушка в силу возраста его не видела, и я не трачу время на объяснения.

– Здравсьте, милочка, я звоню насчет моего братца. Его звать Терри Аллен, ему пришло письмо насчет оценки трудоспособности, и, похоже, вы что-то напутали.

– Боюсь, я не имею права обсуждать с вами другого человека. Если у мистера Аллена есть вопросы, попросите позвонить его самого.

– Ага, только у него шизофрения. Поэтому он и получает пособие. Когда брат нервничает, это приводит к срывам, и сто раз жать кнопки и слушать, как автомат гоняет его по кругу, не понимая южный акцент, – последнее, что ему надо.

Повисает пауза, затем девушка спрашивает у меня номер страховки брата, дату рождения и адрес. Говорит, что выводит дело на экран.

– Его признали годным для работы.

– Ага, признали, поэтому я вам и звоню. С последнего места работы брата увезли в психушку. С двух предыдущих тоже. Он не может находиться среди большого числа людей. Если вы вынудите его выйти на работу, ему снова станет хуже. Поэтому мне и нужно с кем-то это обсудить.

– У него есть право подать апелляцию, – отвечает она. – Пусть заполнит форму СРМР-1.

– Хорошо, заполним. Можете прислать нам ее почтой?

– Просто распечатайте форму с нашего сайта.

Тяжело вздыхаю. Вот всегда они так.

– У нас компьютера нет, не то что принтера.

– Хорошо. Приходите в центр занятости, они вам ее распечатают. Просто заполните бланк и укажите, почему считаете решение неверным.

– Так. И когда нам потом ждать результат?

– Минимум четырнадцать рабочих дней, но может, и намного дольше. Если первоначальное решение оставят в силе, у вас будет право обратиться в суд, но на это уйдет несколько месяцев.

– Да вы смеетесь. И на что нашему Терри все это время жить?

– Мистер Аллен может подать заявку на кредит и пойти в центр занятости на собеседование, как и указано в письме.

– Но он не может работать, ему от этого хуже.

– Его состояние оценили как подходящее, так что центр занятости наверняка подберет ему соответствующее занятие. Я могу записать его на собеседование. Заодно и форму там заполните.

Дурь какая. Девушка вообще ничего не понимает. Но если Терри увидят вживую, может, хоть поймут, о чем я.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Договорились. О, вам повезло. Один из кандидатов отменил заявку, и я могу записать вашего брата на понедельник на три сорок пять. Вас устраивает?

Если поеду с работы на автобусе, как раз успеем.

– Да.

– Отлично. Я вас записала. Ему нужно будет принести три копии паспорта и прописки. Вся информация есть у нас на сайте. Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

– Нет, милая, – вздыхаю я. – Если только вы не умеете лечить уставшие распухшие ноги. Возвращаюсь в гостиную. Похоже, на экране уже новая серия, Мэттью в другом костюме.

– Ошиблись? – спрашивает Терри.

– Мы знаем, что да. Осталось их убедить. Заполним форму на пересмотр решения, но ждать придется несколько недель. А пока они хотят, чтобы ты пришел в центр занятости на собеседование.

– Когда?

– В понедельник днем.

– Мне же не придется работать? Пока не узнаем результат пересмотра?

– Будем надеяться.

Терри молча кивает. Я замечаю, как он стиснул челюсти. Ненавижу такие моменты, ведь знаю, чем все закончится. Брат вновь пялится в экран. Теперь там Элтон Джон. Поет «Прости – это, похоже, самое тяжелое слово»⁴.

---

⁴ Sorry Seems to Be the Hardest Word (англ.). Прим. ред.

После. 1. Финн

Лежу на кровати и смотрю на подаренный отцом светильник в форме пчелы. Он синий, что довольно глупо, ведь синих пчел не бывает, но папа сказал, были только синие и розовые. Маме бы не понравилось, она всегда злится, когда видит голубые вещи для мальчиков и розовые для девочек, потому что все цвета хороши для всех. Много лет назад мальчиков спокойно одевали в розовое, а это все маркетинговые уловки, чтобы выкачать из родителей побольше денег.

Впрочем, папе я ее мнение не пересказывал, ведь он хотел как лучше, а мама говорит, что надо радоваться любому подарку, ведь главное – внимание.

В любом случае какая разница, мама все равно светильник не увидит. Однако каждый раз я невольно представляю ее реакцию.

Моя школьная форма висит на дверце шкафа – отглаженная, на брюках стрелки, чего отродясь не бывало. Оказывается, папа лучше гладит вещи, чем мама, просто молчит об этом.

У меня немного болит живот. Думаю, к утру станет хуже. Вообще не хочу видеть никого из одноклассников, только Лотти, но с ней мы встречались неделю спустя после собрания, а потом я забегал к ней на чай, так что мы, считай, совсем недавно расстались.

Раздаются стук в дверь и голос папы:

– Эй, Финн, это я.

Знаю, что он, в нашем доме теперь, кроме нас двоих, больше никто не живет, но, может, папа тоже иногда, как я, об этом забывает.

Отзываюсь, и он открывает дверь. В его бороде с каждым разом все больше седых волосков. Наверное, из-за всего, что произошло. Отец заходит в комнату и закрывает за собой дверь. Кажется, опасается, что я все еще на него сержусь. Так и есть. Кричать я больше не стану, но злость никуда не делась, просто затаилась где-то глубоко внутри и не выходит.

Только сев, я замечаю, что папа что-то принес.

– Купил тебе, – говорит он, протягивая большой сверток.

Беру и заглядываю внутрь. Там рюкзак. Черный, с синими языками пламени и полосами. Никаких пчел.

– Надеюсь, тебе нравится. Честно говоря, сложно было найти что-то без футбольной тематики.

Киваю в ответ. Хочу поблагодарить, но так стараюсь не расплакаться, что не в силах открыть рот.

– Подойдет для новой школы в сентябре. Я просто подумал, ты захочешь что-то более взрослое.

Не выдерживаю и даю волю слезам. Я так старался не думать, что станет с прежним ранцем. Мама права. Папа никогда не умеет вовремя замолчать. Он гладит меня по плечу:

– Эй, прости. Я не хотел тебя расстраивать.

Будь он чуть внимательнее, заметил бы, что я постоянно расстроен все три последние недели. Что мне не хватает мамы так, будто у меня отняли ногу.

Что не надо покупать мне всякую всячину, будто это исправит ситуацию. Я просто хочу, чтобы все стало как прежде. Чтобы мы все были вместе. Пусть бы они даже ругались. Я бы и это вытерпел.

Папа так и держит меня за плечо. Несколько минут спустя я успокаиваюсь, а он вытирает мне слезы.

– Не хочешь назад в школу?

Киваю и хлюпаю носом.

– Я говорил с миссис Рэтклифф и миссис Керриган. Попросил их делать все, как ты скажешь, без лишних слов. Остальным ребятам сказали, что ты до каникул в специальном академическом отпуске.

– Но они же все знают! Будут пялиться на меня и перешептываться.

Папа хмурится. У него теперь почти всегда это выражение. Если бы мне задали нарисовать отца, я бы так его и изобразил – хмурым и явно не знающим, что сказать. Это если бы я рисовать умел, конечно.

Так что моя картинка вовсе не походила бы на папу. Просто какой-то мужчина, если повезет. С пяти лет я лучше рисовать не стал. Когда я однажды упомянул это при маме, она не согласилась и указала на автопортрет из продуктов, который я сделал пару лет назад, а она повесила на холодильник. Для своих волос я использовал оранжевые макароны, и мама сочла это отличной задумкой. Но такая поделка – это не картина. Просто кучка выкрашенных в оранжевый цвет макарон. Невозможно же продолжать в том же духе вечно.

– Брось, – уговаривает папа. – Снова увидишься с друзьями, это же хорошо.

– Нет у меня друзей.

– Нет, есть. Как же Лотти?

– Ага, только она одна. А ее я видел на прошлой неделе. Мне не надо ради нее идти в школу. Остальных я терпеть не могу.

Папа убирает ладонь с моего плеча и начинает гладить по руке.

– Ты просто расстроен.

– Да, но я так сказал не поэтому, а потому что так и есть.

Папа вздыхает и прячет лицо в ладонях. В последнее время он часто так делает.

– Послушай, я знаю, что тебе приходится нелегко, но поверь: сейчас вернуться в школу – лучший вариант. Вот пройдет первый день, и тебе станет легче.

Очередная взрослая глупость. Не станет после первого дня лучше, только хуже. Я проведу ужасный день и буду знать, что мне предстоит повторять это снова и снова. Вспоминаю лесную школу, что устроила мне мама. То была лучшая школа на свете, а из мамы получилась лучшая учительница. Она все организовала специально для меня. И теперь мне больше всего хочется вернуться в ту школу, в палатку, к маме, но какой смысл об этом говорить, все равно же не сбудется.

– Мне стало бы легче, если бы разрешили никогда больше не ходить в школу, – отвечаю я.

– Ну же, Финн, все через это проходили. Осталось совсем немного. А миссис Керриган пообещала, что запланировала для вас много всего интересного.

– Награды тем, кто хорошо напишет контрольные. А меня к ним не допустят.

– Конечно же, допустят. Не оставит же тебя миссис Керриган за бортом.

– Миссис Рэтклифф ее заставит. Она все еще злится на меня из-за мамы.

Папа вздыхает и качает головой. Знаю, он старается, но в таких делах не силен. Не сравнить с мамой.

– Финн, никто в школе на тебя не злится. Они лишь хотят помочь.

– Ты так говоришь, просто чтобы я туда пошел. А вот мама бы меня не заставляла. Она знала, как я ненавижу школу.

Отец моргает и отворачивается. Да, вышло грубо, но я сказал чистую правду. Он никогда этим всем не занимался. Подобные вопросы решала мама. Папа умеет чинить вещи, ездить на велосипеде и разбираться в законах. Он не умеет меня успокоить. А жаль, ведь именно это мне сейчас нужно.

– Финн, я стараюсь, – говорит он, по-прежнему не глядя на меня. – Нам просто надо пройти через это вместе.

Папа снова поворачивается ко мне. У него блестят глаза. На миг кажется – вот сейчас он меня обнимет, но нет, отец просто ерошит мне волосы и уходит.

На следующее утро он отвозит меня к Лотти. Об этом договорилась ее мама на прошлой неделе. Лотти говорит, Рэйчел тоже до сих пор злится на моего папу, но ради меня притворяется, будто все хорошо. Думаю, она же и решила, что сама подбросит меня завтра в школу, а не он, но, похоже, папа совсем не в обиде. Наверное, боится, что если я поеду с ним, то закачу истерику.

Папа кладет руку мне на плечо:

– Все будет хорошо.

Легко ему говорить. Он пойдет на работу, к людям, которые ему нравятся, а не потащится в ненавистную школу, где все вечно пьются и перешептываются за спиной.

Мама Лотти открывает дверь и машет нам. Вернее, только мне, а не папе, он ей никогда особо не нравился, даже еще до развода. Я это знаю, потому что мама иногда тихонько обсуждала папу с Рэйчел, когда думала, будто я не слышу, а та часто кивала, сочувственно смотрела и что-то так же тихонько отвечала.

Отец машет ей, а я отстегиваю ремень безопасности.

– Хорошего тебе дня, – говорит папа слегка дрогнувшим голосом. Явно подозревает, что ничего хорошего меня не ждет, но сказать об этом не может. Я беру сумку с книгами и рюкзак со сменкой на физкультуру и вылезая из машины.

– Привет, Финн. Как дела? – Рэйчел с такой силой сжимает меня в объятиях, что на миг я не могу дышать, не то что говорить. Пожалуй, это и к лучшему, ведь я до сих пор не придумал, что отвечать на этот вопрос.

– Зайди на секунду, – предлагает она. – Лотти еще не готова, ты же ее знаешь. Ума не приложу, в кого она пошла.

Рэйчел улыбается собственной шутке и ведет меня в дом. В нем всего четыре комнаты, две наверху, две внизу, если не считать ванной, но она такая крохотная, что можно и не считать.

Лотти стремглав сбегает по лестнице.

– Привет, Финн. Рэйчел, я испачкала зубной пастой школьные брюки.

Лотти всегда зовет свою маму по имени. Начала еще лет в семь, когда хотела казаться взрослее. Как по мне, ничего взрослого тут нет, просто странно как-то. Словно Лотти забыла, кто она. Но впервые в жизни я рад ее привычке, потому что слово «мама» навевает грусть.

– Ну переодеться уже некогда, – отвечает Рэйчел. – Мы же не хотим, чтобы Финн из-за нас опоздал.

Лотти смотрит на меня, словно внезапно вспоминает, почему я вообще здесь, и подхватывает ранец.

– Ладно, пошли, – заявляет она, вытирая еще влажную пасту рукой, отчего пятно становится еще хуже.

– Сменка, – напоминаю я.

– Точно, – спохватывается Лотти и бежит наверх.

– Что бы она без тебя делала? – улыбается Рэйчел, а мне снова становится грустно.

В сентябре мы с Лотти будем в разных школах, и у меня вообще не останется друзей. Папа говорит, я заведу новых, но не понимает, что с такими, как я, мальчики не водятся. Лотти моя подруга лишь потому, что не похожа на прочих девочек. И каковы шансы, что в новой школе найдется такая же? Да нулевые.

Лотти возвращается со сменкой, и мы загружаемся на заднее сиденье машины ее мамы.

– Мне нравится твой новый рюкзак, – сообщает подруга.

– А мне – нет. Его папа купил.

Замечаю, как Рэйчел смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Ну и ладно, – отвечает Лотти. – Ты терпеть не можешь физкультуру, чего б не носить сменку к ней в рюкзаке, который тебе не нравится?

Я слегка улыбаюсь. Впервые за долгое время.

Приезжаем мы перед самым звонком. Миссис Керриган стоит у ворот, улыбается мне и говорит: «Доброе утро, Финн, так здорово снова тебя видеть», только голос у нее какой-то странный, и слово «тебя» получилось едва слышным, но, кажется, именно его она пыталась сказать.

Все дети на меня пялятся, как я и предполагал, но, что странно, обычных гадостей никто не говорит. Райан Дэнжерфилд смотрит на меня... и отводит глаза. Джейден Мак-Гриви не сияет привычной ухмылкой. Даже Тайлер Джонсон не пытается сочинить какую-нибудь пакость. Это меня добивает. Все вокруг становится размытым. Лотти встает рядом со мной, в конце ряда девочек, берет меня за руку и тянет в нужном направлении.словно я слепой, но собаку-поводыря мне еще пока не выделили.

Так проходит все утро. Никто не дразнится, не корчит рожи, пока учительница не видит. И мне тошно, потому что я постоянно вспоминаю, отчего же случилась такая перемена.

На перемене подходит миссис Рэтклифф, сияя улыбкой и звеня браслетами.

– Здравствуй, Финн. Миссис Керриган говорит, ты сегодня утром отлично себя показал. Думаю, к концу недели сможешь завоевать награду.

Смотрю на нее, на эту глупую улыбку и дурацкие браслеты. Как она не понимает: худшее, что может со мной произойти, – это если на очередном собрании меня опять вызовут стоять перед всем классом.

После ланча мы переодеваемся на физкультуру. Никто не смеется над моими бледными тощими ногами, не шлет в раздевалку к девочкам, потому что мне явно место там. Я столько времени мечтал, чтобы меня перестали дразнить, но стало только хуже.

По плану у нас командные игры. Терпеть их не могу, потому что не умею бегать, прыгать, пинать или ловить мяч – в общем, все то, что нужно делать в процессе. Обычно все стонут, если я попадаю в их команду, но сегодня никто не издает ни звука.

Через несколько минут после начала игры я оказываюсь на полу в нейтральной зоне, а остальные на скамейках запасных, и Льюис Р. на секунду забывается и специально бросает мяч прямо в меня. Тот сильно бьет меня по руке, ребята начинают смеяться, но потом спохватываются и замолкают, хотя миссис Керриган даже ничего не говорит. И я ненавижу их молчание даже больше, чем когда-то ненавидел их смех.

Едва сев в машину к папе, я задаю вопрос. Много о ней думал. О том, как она была ко мне добра. Иногда я до сих пор ощущаю ее объятия.

– Можно повидаться с овечьей дамой?

Папа непонимающе хмурится.

– С кем?

– С дамой в овечьем фартуке. Той, что присматривала за мной, пока ты туда не приехал. Он вспоминает.

– Серьезно? Ты уверен?

– Да. Можно она придет к нам на чай? Она же дала тебе свой номер на случай, если еще когда-нибудь понадобится помощь.

На миг отец задумывается. Обычно он бы отказал. Но ничего обычного в нашей жизни больше нет. И мы оба это знаем.

– Давай я ей позвоню и спрошу, – отвечает он.

После. 2. Каз

Просыпаюсь от чьих-то криков по соседству. К людям этажом выше и за стенкой кухни я привыкла, а вот к круглосуточному шуму хостела – нет.

Однако неумищим выбрать не приходится: либо спать так, либо на пороге магазина, так что мне еще повезло. Могло быть намного хуже.

Я об этом не забывала. Да и как, если каждый день смотришься в зеркало в ванной? Стыд водой не смыть. Разумеется, я никому ничего не сказала.

Уж точно не Терри. Достаточно и того, что я сама об этом знаю.

По крайней мере, хотя бы вообще поспать удалось. Кошмар, что преследовал меня с детства, последнее время поутих, но на смену ему пришел другой – с новыми лицами и новыми страхами. И новыми криками в конце. Эта ночь прошла спокойно, но я не наивная дурочка, которая верит, будто все теперь будет хорошо.

Я встаю, протискиваюсь мимо телевизора, видеоплеера Терри и его коробок с кассетами, чтобы добраться до окна и отдернуть тонкие шторы. Мой сосед Марк любезно согласился привезти их сюда на своем фургоне вместе с моей одеждой. Остальные мелочи разделили меж собой другие жильцы нашего прежнего дома. Марк отнес чайник и тостер своему знакомому, который только что вышел из тюрьмы и поселился в собственной квартире. Я чувствую себя одним из тех доноров органов, которые, возможно, потеряли свою жизнь, но, по крайней мере, смогли помочь другим людям. Не то чтобы это послужит большим утешением, когда Терри наконец выпишется из больницы, но обнаружит, что возвращаться домой ему некуда.

Я до сих пор ему не сказала. Как? Лишний раз расстроить брата, когда ему и так нелегко? Мне нужно найти такую работу, чтобы мы вновь могли позволить себе нормальное жилье. Впрочем, за четыре недели я пока не преуспела.

Из тех кафе, куда я ходила, ни слуху ни духу. Стикеры с моим номером, наверное, уже отвалились с их холодильников. Это же не настоящие стикеры, так, дешевка с рынка. И раз мне не повезло на собеседованиях, Дениз из центра занятости отправляет меня на курсы подготовки к работе. Ведь тот, кто с шестнадцати лет спины не разгибал и вкалывал каждый день, пока месяц назад не потерял место, конечно же, понятия не имеет, как надо работать.

Накидываю халат, беру шампунь и гель для душа и направляюсь в ванную в конце общего коридора. Заперто. Внутри кто-то поет.

К чему я не могу привыкнуть, так именно к этому – не иметь собственной ванной. Возвращаюсь в комнату и сажусь на кровать. Как хорошо, что хотя бы Терри умыт и накормлен. Представить не могла, что стану радоваться тому, что брата держат в психушке, но, с другой стороны, никогда еще так паршиво не было.

Проходит десять минут. Я поглядываю на часы, прислушиваясь, когда же откроется дверь ванной. И думаю о том мальчике, Финне. Ни дня не проходит, чтобы я о нем не вспомнила. Ни единой ночи. Вспоминаю Терри в том же возрасте, с теми же проблемами и волнуюсь, что и Финну придется нелегко. Главным образом я надеюсь, что отец любит мальчика и заботится о нем. Что за Финна есть кому постоять. А защищать его придется, уж я-то знаю.

Когда ванная наконец освобождается, времени на душ уже нет. Я просто ополаскиваю лицо, чищу зубы и накидываю на себя какую-то одежду.

Автобус тоже опаздывает. На добрую четверть часа.

Понимаю, что придется забегать в последнюю минуту. Последнее, что мне сейчас надо, – это чтобы какая-нибудь двадцатилетка отчитывала меня за опоздание. Автобус битком, ужасно душно. Однако все уже привыкли к жаре, и никто не жалуется. Разве что кто-нибудь обмолвится, что растениям в саду не помешал бы дождь.

За две остановки до места назначения поток машин такой плотный, что я решаю выйти и дойти пешком. Вся затея – пустая трата времени, о чем я и сказала Дениз на прошлой неделе, но та разразилась обычной чушью, как меня накажут за отказ посещать курсы. Куда еще, я и так до сих пор расплачиваюсь за увольнение, но им плевать. При таком расчете не видать мне пособий до самого Рождества.

Я опаздываю на пять минут, и мне приходится нажимать кнопку звонка и ждать, пока кто-нибудь меня впустит. Дверь открывает недовольная девушка.

– Привет, вы, должно быть, Карен, – говорит она с натянутой улыбкой. – Я Билли-Джо. – И протягивает руку. Я отвечаю на приветствие, решая не уточнять, не завернула ли я по ошибке на вечеринку в стиле кантри или съемки вестерна. Она не похожа на тех, кто оценит мой юмор.

– Мы только начали, но я хотела бы вам напомнить, насколько важно вовремя приходить на все курсы обучения и рабочие программы, – Билли-Джо продолжает улыбаться. Пожалуй, я предпочла бы честную взбучку.

Я следую за ней в комнату, где за столами с включенными компьютерами сидят еще дюжина человек. Все они выглядят как минимум на двадцать лет моложе меня. Билли-Джо становится перед большим экраном.

– Итак, Карен, присаживайтесь у запасного компьютера, – говорит она, указывая на стол в задней части. – У нас нет времени снова проводить переключку, не могли бы вы в двух словах представиться остальным ученикам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.